

Василий АКСЕНОВ:
«Я задаю вопросы и оставляю их без ответа...»

зика. Ведь кто такой Пантагрюэль? С точки зрения Рабле, это черт, некий морской дух. К чему он ни притронется, все превращается в кристаллики соли. Эти кристаллики Рабле и его компания забрасывали в глотку и испытывали дикую жажду, которую пытались заглушить вином.

— Вы говорите о своих героях как о живых людях...

— Для меня — да. Я вообще привыкаю к своим персонажам, воспринимаю их почти живыми. Но в Алексее есть нечто от Высоцкого, Тарковского, Любимова. Такой артистический беженец, которых я много встречал в своей жизни. «Новый сладостный вилль» — роман о восьмидесятих, и его главный герой — человек, не знающий, где его дом.

в текст ритмизованной и рифмованной прозы (я не называю это стихами, потому что пишу только для романа). Оно позволяет расширить горизонт понимания или непонимания, во всяком случае ощущения истинности художественной. Я не называю их постмодернистскими, потому что слово до того уже опаршило в результате упорного теоретизирования на мягких местах. Но в какой-то степени это постмодернизм.

...Люди строят всякие домыслы о том, что будет после смерти. Вот в том числе и мой домысел об изначальном замысле. Однажды я подумал, что со смертью все это раз — и погаснет. И, возможно, возникнет какая-то новая реальность, которая не реальность на самом деле.

говорил. Они сидели, пили чай и обсуждали смерть. Кто-то сказал: «Говорят, что человек в последнюю секунду вспоминает всю свою жизнь. Но это же невозможно — в ней столько событий». И Толстой заорал во весь голос: «Одномоментно!». Он имел в виду, что это за гранью времени. Мы не можем осознать конца и начала. Не можем осознать вечную жизнь и вечную смерть...

— Василий Павлович, вам не страшно думать о смерти?

— Я смерти не боюсь. Я боюсь этой непостижимости. Она все время шокирует меня как человеческое существо. Еще в юности я содрогался от этого. Потом забылось. Когда начал стареть, опять стал об этом думать. Не то, чтобы это навязчивая

Аксенов — кумир, легенда, почти миф, наверное, для большинства россиян, читай, бывших советских людей. Можно было не любить «Затоваренную бочкотару», не знать «Звездного билета», не обжечься «Ожогом», можно было не помнить историю с альманахом «Метрополь», но «Остров Крым» каждый из нас выучил наизусть — «остров» стал нашим потерянным раем и последним прибежищем.

Мы беседовали с Василием Павловичем во время его очередного приезда, прогуливаясь по улицам. Проходим мимо привычных стен с привычными надписями: «Здесь был Лежа...»

— Василий Павлович, никогда не хотелось оставить надпись «Здесь был Вася»?

— Какой неожиданный вопрос. Хотелось, но я сдерживался...

— Нет, правда?

— Правда. Непредодолимое желание... Каждый хочет оставить след.

— Вы оставили?

— Скоромно говоря, я кое-что сделал для жанра романа. Если внимательно читать мой последний роман «Новый сладостный стиль», только внимательно, а не так, как это делают нынешние критики, то можно заметить некоторую новизну...

«Новый сладостный стиль» — итальянская поэтическая школа XIII века, представители которой Гвидо Гвиницелли, Гвидо Кавальканти, Данте Алигьери предвосхитили поэзию Возрождения. Если поэты тринадцатого предвосхитили век следующий, то Аксенов подвел итоги уходящего двадцатого. «Новый сладостный стиль» — роман о любви-ненависти, о поисках своих истоков, уходящих в библейские времена, о восьмидесятих, о России, Америке, эмигрантах, духовных и высланных собственной страной, о Данте и свечении Беатриче, о Рабле и гигантских битвах-пиррах, об Аксенове, о Любимове, о Высоцком...

Странное смешение столь разных на первый взгляд характеров — Данте и Рабле — вполне закономерно. Более того, главные герои «НСС» — Алекс (Данте) и Стэнли Корбах (Рабле или, если угодно, Пантагрюэль) — зеркала, в которых отражаются Дан-

те, Рабле, но такими, какими они бы, возможно, стали в современности. Миллионер собирает свою родовую словную, в чисто раблезианском духе понимая под «родственниками» всех представителей человечества, носящих фамилию Корбах, как бы ее ни изменили время, действие и пространство. Поиски «своих», как утверждает Аксенов, — попытка преодолеть исконную человеческую депрессию, желание осознать, что у человечества есть более великое предназначение, кроме пожирания гамбургеров и выпивания кока-колы.

Это — настоящий Аксенов. Тот, которого мы знаем. И тот, кого мы не знаем совсем.

— Почему вы смешили таких полярных авторов?

— На самом деле они очень близки. Данте — это ранний Ренессанс, еще средневековые, в то время как Рабле — высокий Ренессанс. И если Данте называют центральным человеком Вселенной, то Рабле — ее шут. Этот роман писался с аллюзиями в старину. Но эти аллюзии предусматривают единую цель культурного развития, развития карнавала. Вот вы говорите, что карнавал может быть и грустным. Времени Данте предшествовал порядочный мрак. Но сам Данте был очень жизнелюбив: полурыцарь, полупоп. Он мог в любую минуту надеть доспехи и сразиться, и при этом у него была дикая тяга к знаниям, понимание приближения новых времен. Он постоянно противопоставлял любовь небесную и любовь физическую. У него были стихи, посвященные девушкам, с которыми он встречался, и всегда присутствовал небесный образ Беатриче, с которой он никогда не спал. А Рабле — это уже как бы совсем плоское. Но на самом деле это колоссальнейшая метафиз-

— Алекс Корбах — артистический беженец. Но ведь это и ваша судьба. Трудно было начинать все сначала?

— Очень трудно. Очень... Но проще, чем другим. Я ведь все-таки приехал туда с именем. Широкая публика, может быть, и не знала, кто такой Аксенов, но в академических славистских кругах знали все. У меня были приглашения читать лекции, издательские дела...

— А вы чувствуете себя счастливым и толстым?

— Нет.

— А патриархом?

— Не заметил, как стал... Но это естественно. Теперь мы — старшее поколение писателей.

— Вас всегда называли авангардистом. Это близко к истине?

— В разное время по-разному. Но я давно чувствовал, что моя задача — попытка соединения звеньев цепи авангардного движения...

— Они разомкнуты?

— Авангард не достиг желаемого потому, что утопия, которую он подерживал, превратилась в корыто с помоями. Утопический человек, модель человека будущего, в период конструктивизма был вытеснен каким-то странным фантомом. Утопия, обернувшись толстогадой, кондовой, избанной, коммунистической идеей, уничтожила авангард. Мне виделось его возрождение в использовании его колоссальных достижений, но на другом уровне утопии. Человечество ведь без нее не может. Разумеется, возраст и опыт свой отпечаток накладывают, я иногда соединяю в своем воображении авангард Данте и авангард Рабле.

— Полифония ведь не единственного вклад в жанр романа?

— Нет конечно, ну есть включение

— А что?

— Если бы я знал. В какой-то момент человечество должно уйти. Но не просто — умер и сгинул, а в мир других энергий. Я решил, что биологическая жизнь и есть изгнание. Вся история, вся предыстория — это путь Адама, все австралопитеки и прочие питеки — фазы Адама. Неважно, сколько миллионов лет прошло на пути Адама: в том раю, где он жил, это не считается. Многие ученые уверены, что теория эволюции отрицает теорию творения. Но чем? Тем, что твари эволюционировали в течение сотен миллионов лет. И это как бы научно, а религиозный счет лет неверен. С моей точки зрения, счет лет относится лишь к пространству времени. Возникает некий сдвиг во вневременном пространстве — как это говорят по-русски — большой толчок, который ведет к образованию биологии и видимого мира. Во Вселенной возникла энергия, которая вышла из системы мировой гармонии. И мы — детища этого перекося. Но он закончился, и человечество, не знаю когда, может быть через десять миллионов лет, завершит свое существование. Нельзя же представить его в бесконечности. Известно, до какой степени сохраняется личность в том мире. Я думаю, никогда не будет разгадки человеческой истории.

— До момента смерти?

— Пожалуй. Еще Толстой об этом

идея, но время от времени я к этим мыслям возвращаюсь. Возьмите религиозные тексты, библейские слова о рае. Ведь это и есть смутное воспоминание о мире до грехопадения. Об изначальном замысле...

Могут пройти годы, может измениться общество, но ничто не сможет отменить главного: здесь был Аксенов.

Анна КОВАЛЕВА.

Фото автора.

Рис. Михаила ЗЛАТКОВСКОГО.